

О ком
сегодня
говорят

ЭТА САМАЯ МАДОННА

На нее я и внимания
не обратил никакого.
Копишится там кто-то
в уголке, маленький
такой, невзрачный,
в огромном пиджаке,
словно с отцовского
плеча сташенном.

Копишится, и ладно.
В газетном киоске,
который втиснулся
в первый этаж нашего
дома, всегда тесно
и толкотно.

Если б люди просто
заходили, брали газету
и уходили, было бы
попросторнее.

Так нет же, стоят
полчасу и смотрят —
листают все подряд.

А газет и журналов
выставлено тут сотни
названий —
и американских, и каких
угодно. Изба-читальня
получается.

Не заметил я ее
в толкучке. А вот
Уоррена Битти признал
сразу. Высокий такой,
статный мужчина,
он выделялся в толпе,
на него-то все
и смотрели. Актер-то
знаменитый.

Но никто — заметьте,
никто — не бросался
к нему с расспросами
или с просьбами
об автографе, хотя,
казалось бы, чего проще:
в такой толкучке ему
бы ни за что
не вывернуться
и не убежать сразу
от поклонников
и любопытных.

Но вот когда Уоррен
Битти заговорил —
сдержанным каким-то
тонким полупрошептом —
с той самой,
с невзрачной,
с отцовского пиджаке,
я стал догадываться,
кто передо мной:
газеты уж несколько
месяцев обсаживали
любой слушок, любой
шамек, любую сплетенку
о самом свежем
романтическом увлечении
актера-сластолюбца.

Пригласился
повнимательнее,
глазами так и впился,
и увидел: конечно же,
она, Мадонна.

Не совсем, правда,
похожая на ту, без
фотографий которой
не обходится, кажется,
ни одно издание, более
или менее претендующее
на популярность. Совсем,
можно сказать, непохожа:
ни тебе ярко-красных,
словно размазанных,
губ, ни остро очерченных
бровей и вытянувшихся
на метр ресниц,
ни потусторонней
бледности кожи.

Говорю же: простушка.

— Восемьдесят пять долларов
двадцать пять центов, — сказал
кассир-продавец, сложив цену двух
журналов, которые отобрала Ма-
донна.

Не двадцати и даже не десяти,
а всего лишь двух журналов мод.
Восемьдесят пять долларов. Ради
интереса: «Вог», который мне
всегда казался самым-самым, идет
за десятку; «Бурда» в тех край-
не редких киосках, где можно най-
ти ее в Нью-Йорке, стоит пять «зе-
лененьких».

Расплатилась Мадонна наличны-
ми, а не кредитной карточкой, что
тоже редкость: у людей столь со-
стоятельных, как она, наличных
обычно не водится. Не принято,
вроде как дурной тон.

Расплатилась и вышла на улицу.
И опять никто даже взгляда в ее
сторону не бросил, не признали ее,
а вот на Битти выставились: он
легко узнаваем, он в жизни такой
же, как в кино и на фотографиях.

Дело не только во внешности.
Мадонна сказала в одном из интер-
вью, чтобы ее «не воспринимали
слишком серьезно», когда выво-
рвет она то, что выворачивает на сце-
не, на телевизионных экранах и в
кино. Те исполнители, продолжила
она, которые «относятся к себе
слишком серьезно, мне кажутся
скучными. Терпеть не могу, когда
певцы говорят: «Не хочу быть по-
п-звездой, хочу, чтобы ко мне отно-
сились всерьез...» Или когда акте-
ры начинают рассуждать о своем
«методе» и все такое прочее... Да-
же если у вас в башке мозгов все-
го наполовину, вы поймете, что,
выступая, я очень часто просто по-
тешаюсь над собой».

Наверное, у десятков, сотен
миллионов людей в Америке и
повсюду в мире мозгов нет да-
же наполовину, поскольку деся-
тки, сотни миллионов людей отно-
сятся к Мадонне с совершенной
серьезностью, даже экстравагант-
нейшие ее выходы воспринимают
как основательное, наполненное
важным смыслом явление — худ-
ожественное, социальное или даже
политическое.

Мадонна, как мне кажется, во-
се не из тех суперзвезд, послу-
шав которую, увидев, американ-
цы — и не только они — готовы
воскликнуть: «Вот это «Fun»!»

«Fun» — это значит, что ты
расслабился полностью, что жизнь
тебе в сплошное удовольствие и в
абсолютную беззаботность. Без
этого самого «фана», который на-
добно испытывать время от време-
ни, американец и не американец
вовсе, это — супротив его харак-
тера.

Я не говорю, что в крупнейших
аудиториях, которые мгновенно со-
бирают концерты Мадонны, не най-
дется множества людей, получаю-
щих настоящий и полный «Fun».
Но я говорю, что, хочет того Ма-
донна или нет, ее творчество —
на сцене и вне сцены — давно уже
вышло за рамки чистой развлека-
тельности и стало, хотя и звучит

это выпенно, явлением социаль-
ным.

Превращаясь из простушки, на
которую и внимания не обратишь
на улице, в суперзвезду высшей
степени узнаваемости, Мадонна от-
нюдь не потешается над собой, она
всерьез, с присущим ей тщанием
доказывает и пытается утверждать
то, в чем сама глубоко уверена, но
о чем слушать захотели бы немно-
гие, будь она просто Луизой Вер-
оникой Чиччоно, как назвали ее при
рождении, а не Мадонной, чьи
очень близкие друзья позволяют
себе иногда звать ее Дейзи.

Это и ежу ясно: надо быть зна-
менитостью, чтобы тебя услышали
и — что важнее — захотели по-
нять. Случаются, конечно, исклю-
чения, но незаметно как-то, не уг-
лядишь даже.

Начитавшись и наслушавшись Ма-
доннинных интервью (а их мне с хо-
ду попало не меньше десятка,
как и фотографии «звезд», ин-
тервью ее тоже повсюду, хотя ка-
кой-то американский репортер и за-
метил, что Мадонна, мол, терпеть
не может давать интервью и быва-
ют они «даже реже, чем слючки у
медведиц-панд»), переварив под
сотню страниц ее высказываний, я
сам для себя пришел к такому вы-
воду: искусство певицы, ее жизнь
на публике подчинены очень про-
стой идее: женщинам дана огром-
ная власть, надо лишь уметь ею
пользоваться, чтобы не только быть
равными мужчинам, но и стоять
выше их.

Мадонна-феминистка? Мадонна,
которая своими эскападами на
сцене, своей страстью к эксгиби-
ционизму, своей готовностью и
жаждой работать на визуальную
потребу мужиков вгоняет в ужас
настоящих, истовых американских
феминисток? Мадонна, которая в
девческие годы позировала голы-
шом для «Пентхауза», но на стра-
нице «Пентхауза» не попала, по-
скольку Боб Гуччионе, издатель
журнала, счел ее вульгарной, и ко-
торая в годы уже сегодняшние,
когда ей самой за тридцать, досту-
палась до того, что даже Эм-ти-ви,
круглосуточный телеканал музы-
кальных видео, гордящийся своей
способностью эпатировать неподго-
товленную публику, запретил де-
монстрацию ролика Мадонны «До-
кажи, что я могу любить тебя», по-
скольку там, как объяснили продю-
серы, много обнаженности, есть на-
меки на би-сексуальность и на
секс с несколькими партнерами, —
и это феминистка?

Я считаю, что да.

Феминизм бывает, видимо, раз-
ный. Можно сжигать свои лифчики,
как то делали в Америке шестиде-
сятых, и называть это актом осво-
бождения. Можно требовать рав-
ных политических и экономических
прав и свобод, чего уже сколько
десятилетий добивается Националь-
ная организация женщин, самая
серьезная феминистская организа-
ция Америки.

Мадонна не сжигает лифчиков,
напротив, она готова их всем и по

любому поводу демонстрировать,
что и сделано было ею на Каннском
фестивале, например, где она под
взглядами тысячной толпы и под
объективами десятков телекамер
растелешилась до исподнего, явив
миру некое удивительное архитек-
турное творение, сооруженное из
шелка и чего-то там еще и напоми-
нающее своими формами две еги-
петские пирамиды, поставленные
только не вертикально, а горизон-
тально.

И на выборах Мадонна не голо-
сует, и ни одного политзаявления
не приходилось мне от нее слы-
шать, хотя, сказать по правде, я
не настолько внимательно слежу за
ее судьбой, чтобы знать и помнить
все, что она когда-либо произноси-
ла.

Но вот то, что сказала она в ин-
тервью программе «Найтлайн» те-
леканала Эй-би-си, одной из са-
мых обстоятельных телевизионных
программ Америки, рассчитанных
на людей и думающих, и знающих:
«Своей жизнью распоряжаюсь я
сама, она целиком под моим кон-
тролем — равно как и мои отноше-
ния с мужчинами. А разве не в
этом смысл феминизма?»

Редкая феминистка возразит, что
нет, не в этом.

Не буду — и не могу — уходить
в закоулки души Мадонны, для то-
го надо быть не только искусным
психологом, но и психиатром, ос-
новательно владеющим наследием
Фрейда. Мадонна, как я понял из
интервью, которое она дала жур-
налу «Роллинг Стоун», — нередкий
посетитель у психоаналитиков. В
том бешеном ритме, в котором жи-
вет Америка и в особенности мир
«звезд», психоаналитики не роскошь,
а средство существования, хотя и
чрезвычайно дорогое. Лежа на уют-
ной кожаной кушетке, расслабив-
шись под мурлыкающим голосом
аналитика и говоря, говоря, гово-
ря без умолку, ты снимаешь с се-
бя чудовищное напряжение «кры-
синых гонок», и проблемы твои
уже не кажутся такими неразрешимы-
ми, какими они казались перед
сеансом психоанализа.

Но и не залезая в потемки ее
души, разглядеть можно двойст-
венность Мадонны: воинственный
феминизм — «я чувствую себя бой-
цом», — сказала она однажды, —
стремление, если процитировать
другое интервью, «быть во главе,
господствовать», готовность ввер-
гать в шок вульгарностью поз и
жестов, семизатяжным матом — в
какой-то программе британского
радио она в течение пяти минут,
как подсчитали, чуть ли не двести
раз использовала слово — ну, вы
знаете, какое, — доводить до су-
дорог откровениями на, скажем
так, половые темы и замечаниями
типа того, что она «обожают си-
деть на толчке и думать», — все
это Мадонна, но не самая главная
часть ее.

Воинственность — это производ-
ное совсем иных качеств, которые
запятаны в ней и которые нару-
жу прорываются не слишком часто

и не для каждого. Ей не нравится
слушать ее же собственную музы-
ку, она предпочитает «Канон» Па-
шельбеля. «Все думают, что я ним-
фоманка, а я бы лучше книгу чита-
ла». Ее дом в Беверли-Хиллс
словно картинная галерея, собран-
ная с умением и вкусом. Она была
круглой отличницей в школе, а сей-
час проявила себя блистательным
тактиком и стратегом в бизнесе.
Любопытная деталь: когда снимал-
ся документальный фильм, который
на последнем Каннском фестивале
был показан под названием «С Ма-
донной в постели» и который стал
скрупулезной хронологией четырех-
месячного всемирного турне Мадон-
ны, операторам был обеспечен до-
ступ повсюду, где они только это-
го хотели. Их не пускали только в
спальню Мадонны, когда она там
занималась любовью, и на деловые
ее совещания: «Это бизнес, а не
фитюльки всякие», — примерно та-
кими словами вышвыривала она
операторов из своего офиса.

Вопреки представлению о себе
как о напористой бабе, которая
обладает, однако, немалой женст-
венностью и сексапильностью, Ма-
донна — сама ранимость и уязви-
мость. Это не всегда видно, но это
слышно — когда начинаешь сле-
дить за словами ее песен, вместо
того чтобы следить за ней самой и
за ее жестами, начиненными эро-
тикой. Альбом «Словно молитва»,
видеоклип одной из песен в кото-
ром обернулся для корпорации
«Пепси-кола» потерей пяти мил-
лионов долларов (корпорация вы-
нуждена была отказаться от подпи-
санного и уже оплаченного конт-
ракта с Мадонной, не пожелав, что-
бы светлое имя «Пепси-колы» ом-
рачалось богохульными Мадоннин-
скими видео), альбом этот показа-
телен.

Возмущение пуритан вызывает
зрительный ряд — непозволитель-
ная вульгарность и дерзость, нало-
женные на высшие символы хри-
стианской религии. Но песни в этом
альбоме — грустные баллады о
жизни, в которой, казалось, есть
все, но многое в которой тебе, на
поверку, просто недоступно. Ма-
донна, писал журнал «Интервью»,
«предстает в этом альбоме женщи-
ной, потерявшей любовь, иллюзии
и убеждение в том, что жизнью
своей целиком и полностью можно
командовать. Есть там, правда, и
песни, сделанные в приподнятом
стиле, в духе того, что жизнь —
это нескончаемая и веселая вече-
ринка. Но даже и в этих песнях
явственно ощущаешь melancholy:
вечеринка и в самом деле, возмож-
но, хороша, но она скоро, очень
скоро кончится».

Мне кажется, что и сейчас, по-
лучив известность, признание, бо-
гатство, которые для многих ее
коллег и конкурентов невозможны
даже в мечтах, Мадонна осталась
тем, кем и была, — Луизой Чиччо-
не, старшим ребенком в семье, где
было восемь детей, где непросто
была бедность, где совсем в юном
возрасте умерла мать и куда при-
шла своенравная и жестокая маче-
ха.

В том документальном фильме,
который я уже упомянул и назва-
ние которого повторять просто не
хочется, поскольку и безвкусно
оно, и неправильно по сути, — в том
фильме есть удивительная сцена:
кончается концерт, Мадонна в гри-
мерной, появляется ее отец, и
видно, как начинает нервничать
«звезда».

Отец — единственный, кто, как
говорит сама Мадонна, «не призна-
ет, что я звезда». Единственный,
кто заставляет ее ежиться от од-
ной лишь мысли, что ему придется
не по нраву ее «аморальные вы-
крутасы» на сцене или чересчур от-
кровенные фотографии на облож-
ках журналов. Отец — единствен-
ный, с кем она не может позволить
не быть сама собой и для кого ее
воинственный феминизм и мощная
власть над миллионами мужиков-
поклонников — ничто, пустой звук,
притворство.

Отец — это цепь в прошлое, из
которого она хотела вырваться, о
котором хотела забыть, став недо-
сягаемой «звездой», но которое
держит ее так, что не вырвать и
толпам фанатиков...

Александр ШАЛЬНЕВ,
соб. корр. «Известий».
Нью-Йорк.